

studi italiani

Содержание

Сокращения	7
Сравнительная таблица мер и весов	7
Введение	8
Глава первая. Массовые изгнания бесов: судебный процесс 1697 г.	18
Глава вторая. Три семейные истории: родовые коалиции	51
Глава третья. Взаимные услуги и земельный рынок	95
Глава четвертая. Авторитет важного лица: Джулио Чезаре Кьеза	139
Глава пятая. Нематериальное наследие: судебный процесс 1694 г.	169
Глава шестая. Определение власти: локальные стратегии	192
Глава седьмая. Внешняя сторона власти: мир в феоде	216
Послесловие	231
Указатель имен	239

Сокращения

ААТ — Архив Туринского архиепископства
АРSSPP — Архив прихода свв. Петра и Павла в Сантене
ASCC — Исторический архив коммуны Къери
AST — Государственный архив Турина

Сравнительная таблица мер и весов

Меры площади (на селе):

джорната = 100 тавол; тавола = 12 пьеде;
джорната = 38,104 ара; тавола = 0,381 ара; пьеде = 0,0318 ара.

Меры объема (сыпучих тел):

сакко = 5 эмин;
сакко = 138,33 литра; эмина = 23,055 литра.

Меры объема (жидкостей):

карра = 10 брент;
карра = 493,07 литра; брента = 49,31 литра.

Меры веса:

руббо = 25 лир (фунтов); лира = 12 унций;
руббо = 9,222 килограмма; лира = 0,360 килограмма;
унция = 30,74 грамма.

Мера объема дров, используемая в нотариальных актах Сантены, отличается от той, которая была в ходу в Туринской провинции. 1 карра соответствует 4 м³. См.: *Borghino B. Tavole di ragguaglio da un sistema all'altro dei pesi e delle misure degli Stati di S.M. in Terraferma, pubblicate dal Governo nel 1849... con tutte le aggiunte e correzioni contenute nel volume pubblicato con R. Decreto del 5 maggio 1871. Torino, 1853.*

Все цены указаны в пьемонтских лирах:

пьемонтская лира = 20 сольди; сольдо = 12 денари.

Введение

Крестьянское общество при Старом режиме со временем претерпело существенные изменения. Области, в которых они оказались наиболее заметными, — это, вероятно, техническое совершенствование и религиозная повседневность. Именно здесь чаще всего происходили неожиданные и резкие скачки. Впрочем, структура семьи, общинный быт, политическая жизнь, хозяйственные стратегии и демография столкнулись с переменами, которые из отдаленной перспективы выглядят огромными. При всем том весьма распространено представление, согласно которому это был неподвижный, замкнутый, консервативный, отгораживающийся от внешних сил мир, населенный людьми, по сути дела лишенными собственной инициативы и способными лишь к упорному и трудному приспособлению вкупе с отстаиванием своего понимания целесообразности, постепенно устаревавшего и терявшего смысл.

В действительности же солидарность и конфликтность переплетаются, что усложняет построение аналитических моделей. Внутри крестьянской общины, как и городской народной массы, происходят разнообразные и неустойчивые процессы расщепления и дробления. Здесь неприменим идиллический образ солидарного и бесконфликтного общества, притом что определенная культурная однородность, по всей видимости, в данном случае присутствовала, в особенности проявляясь в моменты открытых столкновений с правящими классами и с внешней средой. В создаваемых историками и антропологами моделях, как, видимо, и следовало ожидать, использовались определения, сводящие типы поведения к единому объяснительному принципу. Как следствие, они часто балансируют между богатой и внятной, но неподвижной характеристикой народной

культуры и картиной, безнадежно лишенной цельности уже хотя бы в силу скудости заложенных в этих дефинициях социальных и экономических принципов.

Особенно существенны, в силу своей значимости для исторической полемики, два примера. Так называемая моральная экономика трудящихся классов порождает сложную культурную парадигму, в которой интересы общества превалируют над безличными экономическими правилами, а голодные бунты умеряют аппетиты спекулянтов и скупердяев¹. Противоположной, хотя она применима к совершенно другим ситуациям, можно назвать характеристику народной культуры, проникнутую представлениями о неизменности и ограниченности наличных ресурсов. Экономический рост невозможен, и всякая операция по распределению богатств неизбежно сопровождается чьим-то обнищанием на фоне обогащения кого-то другого. Такое положение вещей ведет к обескровливающей войне всех против всех, постоянной напряженности и всеобщему недоверию².

К этим моделям, особенно к фундаментальной модели Томпсона, мы будем постоянно обращаться на протяжении книги. Тем не менее и на них лежит налет консерватизма. Они выглядят как поведенческие и когнитивные модели поведения, разделяемые вполне однородными социальными группами. Кроме того, они полемически заострены против главного противника — широко распространенного телеологизма, который приписывает торжество экономической целесообразности, прежде sporadicческой и мало заметной, лишь рыночному миру капитализма.

Изученная в этой книге реальность подсказывает другую поведенческую модель и иную перспективу, которые

1. Я имею в виду работу: *Thompson E. V. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // Past and Present. Vol. 50 (1971). P. 76–136* (итал. пер.: *Società patrizia, cultura plebea. Otto saggi di antropologia storica sull'Inghilterra del Settecento / A cura di E. Grendi. Torino, 1981. P. 57–136*).
2. *Foster G. Peasant Society and the Image of Limited Good // American Anthropologist. Vol. 67 (1965). P. 293–315; Idem. Tzintzuntzan: Mexican Peasants in a Changing World. Boston, 1967.*

не связаны с идеей медленного угасания социальной системы на фоне агрессивной консолидации централизованной власти абсолютистского государства и расширения рыночных отношений. Здесь рассматривается фаза конфликта, после которой как местный социум, так и центральная власть не остаются прежними. Это не только проблема интерпретации. Существующие объяснения выводят механизм социальных изменений, разрушивших феодальную систему, исключительно из внешних по отношению к небольшим и уязвимым сельским общинам причин. При этом подобные интерпретации способны отразить разнородность результатов этого процесса лишь прибегая к предположению, что приспособление к нему на местах было неодинаковым, поскольку неодинаковы были и исходные условия. Однако это утверждение не решает проблему, а только откладывает ее решение¹.

1. Распространенные рассуждения о рождении современного государства часто основываются на перспективе глобализации, которая недооценивает роль локальных обществ и реалий в формировании политических особенностей национальных структур. Это происходит не только в процессе объяснения эволюционного развития, рассматривающем образование государств как единую стадию модернизации (например: *Parsons T. Societies, Evolutionary and Comparative Perspectives.* Englewood Cliffs, 1966; итал. пер.: Bologna, 1971). Некоторые авторы, подчеркивая постепенный характер расширения государственной монополии на власть и социального контроля, полагают, что центральная власть была в состоянии осуществлять единообразное и единообразующее господство. Изменение роли разных общественных классов происходило преимущественно в статических формах (например: *Stone L. The Crisis of the Aristocracy, 1558–1641.* Oxford, 1965; итал. пер.: Torino, 1972). Другие авторы видели главное объяснение перемещения отдельных наций в центр или на периферию сложной системы эксплуатации в развитии мирового капиталистического рынка; таким образом, они склонны полностью отрицать значение местных различий, которые не зависят от чисто внешних факторов и связаны с внутренней социальной структурой (например: *Wallerstein I. The Modern World-System. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century.* New York, 1974; итал. пер.: Bologna, 1978). Я хочу подчеркнуть прежде всего тот факт, что структуры, используемые новыми государственными образованиями в фазе перехода от феодализма к капитализму, в своем дальнейшем политическом развитии в значительной степени зависели от того, каким образом крестьянские сообщества на местах реагировали на развитие рынка и системы удержания, перераспределения и контроля

Итак, я попытался исследовать небольшой фрагмент пьемонтской жизни XVII в. путем интенсивной реконструкции биографии каждого из обитателей деревни Сантена, кто оставил документальный след. В далекой перспективе все личные и семейные стратегии, по-видимому, выглядят размытыми и сливаются в контексте общего относительного баланса сил. Но степень участия отдельного человека в истории, в формировании и изменении несущих структур социальной действительности трудно оценить лишь по видимым результатам. Течение индивидуальной жизни периодически порождает проблемы, неуверенность, необходимость выбора, политику повседневности, которая строится на стратегическом использовании социальных правил.

Возникающие конфликты и противоречия сопровождаются постоянным формированием новых уровней равновесия, непрочных и подверженных новым сломам. Обычно мы смотрим на эти общества издалека: мы обращаем внимание на конечный результат, который часто не зависит от личных усилий людей, выходит за рамки их жизни. Нам кажется, что диктат государства Нового времени преодолевает слабое и в конечном счете несущественное историческое сопротивление. Однако это не так: в пространствах, не занятых устоявшимися или формирующимися

центральной власти. В этом направлении движется Ч. Тилли в статьях, собранных в томе: *Tilly C. The Formation of National States in Western Europe*. Princeton, 1975 (итал. пер.: Bologna, 1984); и еще более явственно Б. Мур: *Moore jr. B. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Modern World*. Boston, 1966 (итал. пер.: Torino, 1969): переплетение процессов централизации и конфликтов социальных групп становится основным механизмом, дифференцирующим и характеризующим политические системы. Сила государства вытекает из функции контроля, которую господствующие классы могли и должны были передоверить центральной власти в силу своей главенствующей роли и экономических задач. Однако при этом недооценивается огромное разнообразие ситуаций на периферии, где государству необходимо осуществлять власть, а также вытекающие отсюда обстоятельства. Роль посредников между периферией и государством, которую выполняли местные нотабли, является важнейшим аспектом политической жизни многих современных наций, и это один из сюжетов данной книги (см. отличную обобщающую работу: *Torre A. Stato e società nell'ancien Régime*. Torino, 1983).

нормативными системами, отдельные лица и группы разыгрывают собственные немаловажные стратегии, накладывающие на политическую действительность заметный отпечаток, не ставя под сомнение властные модели, но влияя на них и их видоизменяя.

Таким образом, отправной гипотезой для меня послужило допущение, что крестьянский мир обладал своей особой рациональностью, но не в том смысле, что эта культурная реальность не осознавала угрозы со стороны сложных социальных структур, неизбежно и шаг за шагом стягивающих на ней петлю. Подобную рациональность можно описать более точно, если предположить, что она проявлялась не только в сопротивлении все более влиятельному новому обществу, но и в активном преобразовании и использовании природного и социального мира: я применил слово «стратегия» именно в этом смысле.

Речь идет об избирательной рациональности: слишком часто сегодня или в прошлом интерпретация групповых или индивидуальных систем принятия решений основывалась на функционалистской или неоклассической схеме. Максимизация заданных результатов и минимизация расходов, возможность приложения всех усилий для достижения цели, отсутствие инерции, игнорирование логики, согласно которой формулировались цели взаимодействия индивидов, и специфики контекстов, совпадение интересов и психологических механизмов представителей всех социальных групп, абсолютная доступность информации — все эти упрощения действительности с неизбежностью механистически искажают отношения между индивидами и нормами, между принятием решения и действием. В рассказанной здесь истории применяются другие объяснительные категории: неоднозначность правил, необходимость сознательного принятия решений в условиях неопределенности, ограниченный объем информации, позволяющий тем не менее действовать, психологическая склонность упрощать механизмы причинности, которые считаются важными с точки зрения их влияния на поведение, и, наконец, осознанное использование нестыкочков

в системах правил и санкций. Избирательностью и ограниченностью рациональности объясняется индивидуальное поведение как результат компромисса между субъективно желаемыми и социально востребованными поступками, между свободой и принуждением. Несогласованность правил, двусмысленность языка, взаимное непонимание социальных групп или индивидов, немалая роль инерции, вызванной предпочтением, отдаваемым привычному ходу дел, и издержками, вытекающими из решений, принятых в условиях чрезмерной неопределенности, не препятствуют тому, чтобы считать это общество всесторонне активным и сознательным, а социальную систему — результатом соотношения поступков и решений, принятых в рамках полноценной, но усеченной рациональности¹.

Итак, я выбрал заурядное местечко и ничем не примечательную историю. Сантена — маленькое селение, Джован Баттиста Къеза — заклинатель бесов, в общем, малообразованный человек. Однако именно благодаря обыденности цепи событий в жизни группы лиц, событий, имеющих локальное значение, но зависимых от экономических и политических реалий, которые находились вне пределов досягаемости самих людей, мы можем выявить комплекс проблем, связанных с мотивацией и стратегией политического действия. Речь идет не о явном бунте, остром кризисе, закоренелой ереси, судьбоносном нововведении, а о политической реальности, социальных отношениях, экономических правилах, психологической атмосфере самого обыкновенного

1. Критика теорий оптимизации как приемлемой объяснительной модели поведения породила за последние годы огромную литературу, на которую здесь даются ссылки. В особенности см.: *Simon H. Models of Thought*. New Haven, 1979; *Leibenstein H. Beyond Economic Man. A New Foundation for Microeconomics*. Cambridge (Mass.), 1976; *Idem. General X-Efficiency Theory and Economic Development*. New York, 1978. С точки зрения неопределенных ситуаций и некоторых достаточно отдаленных аналогий с рассматриваемыми здесь крестьянскими реалиями большой интерес представляют работы: *Roumasset J.A. Rice and Risk. Decision Making Among Low-income Farmers*. Amsterdam, 1976 (в частности: P. 1–47); *Barlett P.F. Agricultural Choice and Change. Decision Making in a Costa Rican Community*. New Brunswick, 1982. Наконец, о проблеме в целом см. сборник статей: *Uncertainty. Behavioral and Social Dimension* / Ed. by S. Fiddle. New York, 1980.

места, которые позволили мне, как я надеюсь, показать, сколь много случается важного в тот момент, когда кажется, будто ничего не происходит. Я имею в виду повседневные стратегии в одном из сегментов крестьянского мира в XVII в. Они связаны с общими проблемами и темами, а также позволяют поставить под сомнение ряд общеизвестных гипотез, возникших в силу более отстраненного и менее микроскопического взгляда на предмет исследования.

Пройденный мной путь позволил рассказать о событиях в локальном контексте. Я использовал материалы, содержащие обычные данные по массовой просопографии: приходские регистры, нотариальные акты, кадастровые записи и отдельные административные документы.

Церковная история была предметом, но одновременно и поводом для реконструкции социальной и культурной атмосферы местечка. Она обретает значение, связанное с конкретным функционированием общих законов в частных условиях и позволяющее выявлять константы и проводить сравнения. Смысл самих документов меняется, теряется их очевидность, становится понятно, что их непосредственное и буквальное истолкование извращает их функцию в информационном цепи, которую нельзя произвольно прерывать: соотнесение нотариальных актов с одной-единственной нуклеарной семьей умалчивает о комплементарных стратегиях родовых коалиций, не сосредоточенных в одном месте. Купля-продажа земли, воспринимаемая как выражение безличных рыночных отношений, скрывает правила обмена, создающие предпосылки для сделок.

Эта совокупность контекстов, соотношение правил и поступков, социальных структур и их отображений в письменных источниках, дословных формул документов и документальных серий играют, как мы увидим, немаловажную роль в истории Джован Баттисты Къезы.

Ход исследования оказался для меня важнее изложения фабулы событий: поставленные мной вопросы выходят за рамки обыденности тех происшествий, которые послужили канвой рассказа. Первая глава посвящена кульминационному пункту истории, охватывающей тридцать лет.

Идейно бедная проповедь и внешне ничем не обоснованное воодушевление крестьян побуждают поставить сложные проблемы, связанные с когнитивной ориентацией, объяснением причинности, психологическими особенностями понимания святости, власти, социального, экономического и демографического кризиса.

Вторая и третья главы посвящены структурному описанию семейных стратегий и отношения к земле и к ее коммерциализации. Эти два важнейших аспекта иллюстрируют зависимость экономических реалий от социальной обстановки.

Впрочем, структуры не объясняют событий и поведения. В лучшем случае они описывают основные характеристики культуры, ценности, общие и вероятные оценки. Следовательно, необходимо было выйти за рамки статичного описания общества, в результате чего стала очевидна весомость социальных связей в хозяйственных операциях, значимость системы межличностных отношений как основы социальной динамики — в большей степени, чем их конкретных проявлений.

Предмет четвертой главы составляют система господства и переживание общего кризиса феодальных отношений внутри абсолютистского государства и его новых институтов. Документы возвращают нас на пятидесятилетие назад: власть и властные механизмы социальной интеграции показаны через события жизни и деятельности Джулио Чезаре Къезы, судьи и нотариуса Сантены, отца Джован Баттисты. Хрупкая конструкция горизонтальных межсословных связей и вертикальных отношений между группами и клиентами непрерывно разламывается и перестраивается в ходе конфликта юрисдикций, в котором сталкиваются запросы, стратегии, волеизъявления синьоров, монархии, городов, деревни, нотаблей и крестьян. Политическая легитимность местного посредника основана на неустойчивом равновесии непримиримых интересов, неясных перспектив, личного престижа.

Когда в пятой главе речь снова заходит о Джован Баттисте, события, предшествующие его проповеди и его

судебному процессу, уже приобретают новое значение. Своими представлениями о власти, о переходе отцовского авторитета в некое нематериальное наследие он также обязан жизненным устоям деятельного и сведущего крестьянского сообщества. Победенное городом Къери, властями и архиепископом Турина, оно, в результате сложно-устроенных вражды и соглашений между феодалами, тем не менее переживает длительный период независимого политического роста. Крестьянское сообщество оказалось в центре необычных событий, связанных со сверхъестественными силами как частью идеологической системы, образа действий и принятия решений. И снова соотношение веры и поступка неоднозначно: невзыскательная проповедь Къезы имела успех не потому, что соответствовала незыблемой и устоявшейся системе определенных идей и ценностей, а потому, что предлагала данной группе крестьян в разгар военных действий возможность выстроить свое поведение вокруг двусмысленных поверий и неоднозначной фигуры проповедника¹. Столкнувшись с проблемами, порожденными историческими трансформациями вер и идеологий, властных и политических отношений, я попытался показать неустойчивость индивидуальных предпочтений, институциональных устоев, социальных ценностей и иерархий. В общем, речь идет о политическом процессе, порождающем перемены, направление которых не всегда можно предугадать, поскольку оно зависит от контактов между активно действовавшими личностями.

В обсуждении рукописи этой книги принимали участие многие мои друзья. Прежде всего я хочу поблагодарить Луизу Аккати, Карло Гинзбурга и Эдоардо Гренди, которые согласились прочесть и перечитать текст, а также посвятили немало времени не только исправлению ошибок и неточностей, но и мудрому развенчанию некоторых выношенных мной убеждений. Благодарю студентов филологического

1. О соотношении системы принятия решений с религиозными верованиями см.: *Brown P. Society and the Holy in Late Antiquity*. Berkeley, 1982.

факультета Туринского университета, участников семинара 1978–1979 гг., с которыми я начинал свое исследование: Лучано Аллегру, Марию Карлу Ламберти, Сандро Ломбардини, Сильвану Патриарку, Франко Рамеллу, Анджело Торре и Симону Черрути, прочитавших первый вариант рукописи и подвергших ее суровой и неравнодушной критике — я попытался ее учесть.

Окончательная редакция монографии восходит в основном к 1983–1984 гг., когда я был стипендиатом Принстонского института перспективных исследований (Princeton Institute for Advanced Study). Несмотря на принадлежность к цеху историков, я был принят в Школе социальных наук, что позволило мне работать и беседовать с коллегами, представляющими разные дисциплины, в частности с Филом Бенедиктом, Клиффордом Гирцем, Марчелло Де Чекко, Акселем Лейонхуфвудом, Дональдом Мак-Клоски, Тео Руисом, Джерри Сейгелем, Джиллиан Фрили, Альбертом Хиршманом, Джоном Элиоттом. Находившийся в Принстоне Марино Беренго внимательнейшим образом прочитал книгу и высказал много полезных замечаний.

Главы о семьях и о земельном рынке подверглись особенно подробной критике в ходе частных и семинарских дискуссий. Таким образом мне посчастливилось получить ценные замечания Леноры Вейцман, Паскуале Виллари, Стюарта Вульфа, Андреа Гинзбурга, Жерара Делилля, Натали Земон Дэвис, Грегори Кларка, Лори Нуссдорфера, Марты Петрусевич и Мориса Эмара. Херберт Хамбер провел много часов, составляя вместе со мной графики для третьей главы монографии.

Эту книгу я посвящаю моему отцу Риккардо: идея рассказать историю Джован Баттисты Къезы возникла во время нашего разговора о том, что важно и неважно при написании биографии.